

§12 РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА

Ростовцева Ю. А.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ИДЕАЛ М. М. ЩЕРБАТОВА В СВЕТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА

Аннотация. Статья посвящена религиозному устройству государства, описанного М. М. Щербатовым в его утопии «Путешествие в землю Офирскую» (1783). В центре научного исследования изображенный писателем тип полицейского-священнослужителя. Автор рассматривает существующие научные взгляды на возможные истоки данного художественного образа. Согласно Т. В. Артемьевой религиозный идеал Щербатова сформировался под воздействием идей немецкой камералистики Юсти и Зонненфельса, в то время, как Г. В. Вернадский и С. Л. Бер объясняют выбор писателя его масонскими взглядами. Показав, что ни та, ни другая точка зрения, тем не менее, не объясняет происхождение данного образа, исследователь предлагает новое решение научной проблемы: анализ религиозной «реформы» Щербатова в свете законодательной политики просвещенного абсолютизма. В качестве анализируемого материала привлекается широкий спектр законопроектов (черновых вариантов) и законов, отражающих практику религиозного дисциплинирования на протяжении XVIII столетия. Это, прежде всего, Именной указ 1718 года об обязательной исповеди, Духовный регламент (1721), проект Нового Уложения 1755 года и ряд документов екатерининской эпохи, таких «Большой наказ императрицы» и «Устав благочиния или полицейский» (1782) и др. Рассмотрев «Путешествие в землю Офирскую» в контексте данных законодательных актов, с одной стороны, и деятельности Щербатова как депутата Большой комиссии по составлению нового уложения, — с другой, автор статьи приходит к выводу, что образ священника-полицейского отвечал общей государственной политике просвещенного абсолютизма в отношении православной Церкви.

Ключевые слова: Просвещенный абсолютизм, политический идеал, религиозное дисциплинирование, Екатерина II, «Наказ», «Устав Благочиния», М. М. Щербатов, литературная утопия, Офирия, санкреи.

В научной литературе не раз отмечалось, что общество, изображенное князем М. М. Щербатовым в его «Путешествии в землю Офирскую», представляет собой почти точную копию современной ему России [3,48–49], [5,111], [7], [13], [15], [17,49]. О причинах подобного сходства ученые высказывались неоднозначно. Так, С. Л. Бер в книге «The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia» поставил появление целого ряда утопических произведений XVIII века (в том числе и щербатовскую утопию) в прямую зависимость от Уложенной комиссии 1767 и публикации «Наказа». Эти события, по замечанию ученого, привнесли в художественную литературу идею о том, что хорошие законы («*eunomia*») — это путь к хорошей жизни («*eutopia*») [2]. Отдельные стороны Офирской империи связывал с депутатской деятельностью Щербатова в составе Комиссии по составлению нового уложения Н. Д. Чечулин. «... Разные сословия в Офирской земле распределяют между собою деятельность совершенно так, как казалось всегда Щербатову наиболее справедливым и необходимостью чего он постоянно доказывал в заседаниях Комиссии для сочинения проекта нового уложения: дворяне служат, купцы и ремесленники занимаются торговлею и промыслами, крестьяне — это рабы, крепостные» [17,36]. Впоследствии эти мысли развил бельгийский славист Э. Вагеманс в работе «К истории русской политической мысли: М. М. Щербатов и его «Путешествие в землю Офирскую» [5,111]. Из сравнительно недавних исследований по данной проблеме следует упомянуть аспирантскую публикацию Б. А. Назаренко «Право «Офирского государства» в утопии М. М. Щербатова» [11]. Однако в силу того, что статья имела конспективный характер, автор лишь процитировал отдельные фрагменты произведения, восходящие к тексту «Наказа», и не предложил какого-либо научного обоснования для обнаруженных параллелей. Попытка рассмотреть Офирское государство в свете законодательной политики Екатерины II, была предпринята Т. В. Артемьевой в монографическом труде «Князь Щербатов» (1994). Исследователь отметила в «Путешествии в Офир»

явную полемику с екатерининской реформой 1775 года, аргументировав свои наблюдения примерами из щербатовских «Замечаний на «Учреждения для управления губернией для Всероссийской империи» [3,48–49]. Однако этими наблюдениями сопоставительный анализ Артемьевой исчерпывается. Между тем, Офир не является плодом чистой фантазии. Практически все стороны его политико-правового устройства были озвучены Щербатовым на заседаниях комиссий по составлению нового уложения и описаны им в предварительных статьях [3,49]. «Умозрительным экспромтом» является лишь религиозная жизнь офирского общества, которая, в отличие от современной писателю екатерининской России построена в соответствии с принципами «естественной религии» [3,49]. Ученые по-разному пытались интерпретировать причины подобного видения автором идеальной религиозной жизни. С некоторой долей условности исследователи данной научной проблемы можно разделить по двум направлениям. Первые из них пытаются истолковать замысел писателя через возможное влияние идей западной камералистики. В частности, Артемьева связывает религиозный эталон Щербатова с идеями основоположников «камеральных наук» И. Г. Г. Юсти и И. Зоненфельса [3,52–53]. Однако представленные ею доводы отнюдь не объясняют появления у Щербатова священника особого рода, который является служащим полиции. Кроме того, насколько это известно, документального свидетельства о том, что писатель действительно был знаком с трудами указанных авторов не существует, в отличие, например, от сочинений Монтескье, Беккариа, Гоббса и Локка, на которые он ссылается в своих работах [8]. Показательно и то, что в «Замечаниях на Большой наказ императрицы» (1773) им указаны лишь те фрагменты, которые восходят к «Духу законов» Монтескье, в то время, как заимствований из других источников он совершенно не видит.

К представителям другого научного направления можно отнести исследователей Г. В. Вернадского и С. Л. Бера. Первый в книге «Русское масонство в царствование Екатерины II» характеризует «Путешествие в землю

Офирскую» как масонскую утопию, второй называет Офирию «идеальной масонской страной» в статье «The Masonic component in eighteenth-century Russian literature»^{[6], [1]}. Между тем, как показали Э. Вагеманс и Артемьева, религиозный идеал Щербатова едва ли можно объяснить посредством масонской символики^{[3,117], [5,50]}. Известно, что вольные каменщики всячески популяризировали мысль об упразднении института церковной власти. Однако, насколько это известно, им не принадлежала идея отождествления обязанностей служителя культа и представителя органов полицейского надзора.

Отдельно стоит упомянуть о предположениях, согласно которым религиозный идеал Щербатова можно интерпретировать посредством влияния иностранной художественной литературы. Н. Д. Чечулин справедливо указывал на некоторые аналогии между произведением неизвестного автора «Königreich Ophir» (1699) и щербатовской утопией, важное место среди которых занимает полицейский характер государственного устройства^[17,21–23]. Тем не менее, указанные им параллели имеют самый общий характер и не могут служить объяснением для появления у Щербатова священника особого типа. То же следует сказать и о сходстве между «Путешествием в землю Офирскую» и протестантской утопией Иоганна Андра «Republicae Christianopolitanae Descriptio», на которое указывал Вагеманс^[3,116].

Таким образом, идеал Щербатова имеет какое-то иное происхождение. В этой связи попытка проанализировать, насколько законодательские идеи эпохи просвещенного абсолютизма (к которым в определенной мере был причастен и сам писатель) могли послужить причиной создания образа идеального священнослужителя — представляет собой актуальную научную проблему.

Анализ религиозно-обрядовой стороны изображенного Щербатовым государства в контексте основных моментов законодательной политики периода просвещенного абсолютизма позволил не только существенно скорректировать, но и пересмотреть прежние выводы, ставшие в гуманитарной науке чем-то наподобие общих мест. Это, пре-

жде всего, относится к таким традиционным воззрениям, согласно которым особенности религии Офирского общества следует связывать с масонской философией или идеями немецких камералистов. В свою очередь, сравнение «священно-полицейского строя» Офирии с действующими законодательными актами и законопроектами Российской империи XVIII в., направленными на религиозное дисциплинирование граждан, послужило основанием для вывода о том, что «реформа» Щербатова отвечала общей государственной политике в отношении Церкви и духовенства XVII–XVIII вв.

Известно, что подобные положения были заложены еще в Соборном уложении 1649 года. Так, по замечанию В. М. Живова, уже в Уложении заметны параллельные усилия светской и духовной власти регламентировать религиозную жизнь. Усилия эти означали не только сотрудничество двух властей, духовной и светской, «но и их скрытую конкуренцию... тот, кто издает приказы, обладает верховной властью в области, к которой приказы относятся»^[10]. «Конкуренция», о которой пишет исследователь, нашла свое отражение в содержании первой главы Уложения — «О богохульниках и о церковных мятежниках». Яркой иллюстрацией данного положения является вторая статья главы.

«А будет кто во время святых литургий и в иное церковное пение, вшед в церковь божию, учнет говорити непристойные речи патриарху, или митрополиту, или архиепископу и епископу, или архимариту, или игумену и священническому чину, и тем с церкви божественному пению учинит мятеж, а государю про то ведомо учинится и сыщется про то допряма, и тому бесчиннику за ту его вину учинити торговую казнь»^[20].

Таким образом, бесчинство по отношению к духовному лицу, совершенное во время богослужения, карается только в том случае, если о нем становится известно государю. В данном случае на лицо примат государственной власти над церковной. С позиции светского права, по всей видимости, рассматривается в Уложении и вопрос о богохульстве.

«А будет какой бесчинник пришед в церковь божию во время святыя литургии, и каким ни буди обычаем, божественныя литургии совершити не даст, и его изымав и сыскав про него допряма, что он так учинит, казнити смертию безо всякой пощады» [20].

Очевидно, что «изымание» и «сыскание» относятся уже не к практике православного благочестия, а к сфере религиозного дисциплинирования со стороны государства. Во всяком случае, церковные дела образованного в связи с Соборным уложением Монастырского приказа можно рассматривать в области административно-полицейского права. О полицейской функции Приказа, по замечанию М. Горчакова, свидетельствуют государственные акты 1650 и 1660 годов. Первый из них — «Окружная Грамота (в списке) Государя Царя Алексея Михайловича в туринский острог Воеводе Василию Кокореву» касалась регламентации «должного и благоговейного почитания к святым Божиим Тайнам, носимым священниками из церквей в дома... под опасением заключения в монастыри на покаяние» [14].

Второй — Царская грамота в Великий Новгород от 10 марта «о наблюдении со стороны священнослужителей, чтобы духовные их дети в великий и другие посты приходили к исповеди и святому причащению, и чтобы пение в церквах было единогласное» [14, 161–162]. Текст последнего законоположения, между прочим, также может послужить прекрасной иллюстрацией того, как государство пыталось апроприировать спасение граждан за счет регламентации ряда религиозно-обрядовых норм. При этом характерно, что авторитет государственной власти в данной грамоте первичен по отношению к «правилам святых апостол и святых отец».

«А будет приходских церквей попы и дьяконы, по сей нашей Великого Государя грамоте, детей духовных и прихожан на истинный путь обращать не учнут и в сей великий пост и в прочии посты станут таковыми молчати и непокаявшихся укрывать, а нам Великому Государю учинится ведомо, и приходских церквей попом и дьяконом за то от нас Великого Госу-

даря быть в великой опале и в пени, а по правилам святых Апостол и святых отец в большом запрещении» [14, с. 161].

Прообраз будущей регламентации церковной жизни граждан со стороны государства являет собой текст Большого Московского собора 1666–1667 годов, в котором имеют место те же пункты, которые впоследствии будут узаконены государством [10].

«Аще же вы сами повеление н (а) ше начнете презирати и неучнете радети, и о церквам дозирати или на ослушников и бе (з) чиннико (в), не будете и (з) вещати, а кроме вашео и (з) вету где в ц (е) ркве которо нибуди вашего сорока обрящется какое противу сего н (а) шего саборнаго писания неисправление, или нестроение хотя едино что а нам учинится ведомо, и зато тебе старосте и десятским быти в церковной казни бе (з) всякой пощады» [8].

Следует отметить, что многие из пунктов, обозначенных в Деяниях Большого собора, были впоследствии регламентированы в качестве функций Управы благочиния, отмеченных Екатериной II в документе 1782 года «Устав благочиния или полицейский». Это касается, прежде всего, внешнего обрядового благочестия, речь о котором пойдет ниже.

Начатое в середине XVII века одновременно церковными и светскими властями религиозное дисциплинирование становится государственной политикой при Петре Великом. Отправной точкой данных процессов принято считать Духовный регламент (1721) и более ранний Именной указ от 17 февраля 1718 года [9]. Именно в этих законах «были прописаны» такие стороны Офирского государства, как обязательное еженедельное посещение Храма божия и введение штрафных санкций за несоблюдение тех или иных обрядовых предписаний.

В этих же документах Петром был обрисован тип священника, который является, скорее, государственным служащим и народным учителем (ученым), чем священнослужителем и проповедником Слова Божия. Дальнейшее закрепление полицейский надзор в сфере религии и нравов должен был по-

лучить в законах Елизаветы Петровны. Так, перечень глав к сочинению Нового уложения 1754 года содержит главу под названием «О злодействе и разных преступлениях, и какие за оные штрафы, наказания и казни положены быть имеют, а именно в начале о Богохулении».

Примечателен в этом отношении сочиненный на совместной конференции Сената и Синода в 1755 году реестр глав для нового Уложения, который включал в себя главы «о штрафах с разговаривающих в церкви», «об учинивших соблазн во время литургии»^[12, 228] и пр. Однако только в законодательных текстах правления Екатерины II надзор за религиозной жизнью граждан представлен как неперемнная обязанность органов полиции. Это XXI глава «Большого наказа императрицы» и в особенности «Устав благочиния или полицейский» 1782 года. Согласно тексту «Наказа» и, в большей мере, «Устава благочиния» религия является первым объектом заботы полиции. В сферу деятельности полиции, таким образом, попадает наблюдение за благоговейным и богобоязненным поведением верующих во время службы божией. При этом «Зерцалом» Управе благочиния служит кодекс морально-этических норм, в целом ряде случаев «дублирующих» или, лучше сказать, заменяющих заповеди христианского закона. «Не чини ближнему, чего сам терпеть не хочешь», «Муж да прилепится к своей жене в согласии и любви», «дети долг имеют оказывать родителям чистосердечное почтение, послушание, покорность и любовь» и пр. Таким образом, функции полиции простираются и на религиозно-нравственное воспитание общества, когда «у Церкви не остается и не оставляется самостоятельного и независимого круга дел, — ибо государство все дела считает своими»^[16, 114].

Есть основания утверждать, что идеи данных законодательных актов нашли отражение в утопии Щербатова. Кроме довольно прозрачных параллелей на это указывает непосредственное участие автора в законотворческой деятельности и, отчасти, моменты его биографии. Известно, что религиозный идеал писателя сложился много ранее

1783 года, когда им было написано «Путешествие в землю Офирскую». По замечанию Г. Флоровского, Щербатову был характерен «страх перед духовенством, слишком близким к «нижним чинам людей». «Наши попы и церковники, имеющие малое просвещение без нравов, суть наивреднейшие люди в государстве»^[16, 684]. Скептическое отношение к Церкви и духовенству имело место уже в период работы писателя как депутата Комиссии по составлению нового уложения. Так, Фонд «Щербатовы» в составе Российского государственного архива древних актов содержит целый ряд челобитных «Святейшего правительствующего Синода члену великому господину преосвященному Афанасию епископу Ростовскому и Ярославскому», написанных в связи с плохим поведением клириков церкви Воскресения Христова Залоторосного Стану Ярославской губернии. В делах упоминается о «шумстве», пьянстве и прочем непотребстве попа, дьякона и пономаря данного храма. Одна из челобитных, адресованных преосвященному Афанасию, написана, кстати, самим князем М. М. Щербатовым и датируется 1766 годом. Содержание челобитных позволяет сделать вывод о том, что юношеские масонские устремления писателя и, как следствие, отход от православной традиции, были подкреплены негативным примером поведения церковнослужителей его села. Таким образом, отношение писателя к православному духовенству, которое позднее отразилось как в его депутатской деятельности в составе Комиссии, так и в литературной утопии «Путешествие в землю Офирскую», во многом имело чисто автобиографическую основу. Во всяком случае, тот факт, что офирские священники не имеют никакой платы за свое служение мог быть навеян денежными поборами со стороны клириков церкви села, в котором проживал Щербатов. Так, челобитная от 1764 года, между прочим, содержит сведения о том, что «священник берет себе за и споведь по две копейки» и вместе с причтом сверх указанного положенного с праха «святых людей» взимает.

А. Г. Брикнер указывал на значительную роль, которую автор «Путешествия в Офир»

играл в принятии решений Большой комиссией [4, 235]. Но еще большее значение, по-видимому, он имел как член Комиссии «о среднем роде людей». Известно, что план разбора родов жителей «В Дирекционную комиссию о сочинении проекта Нового Уложения от частной комиссии о среднем роде жителей Российской империи» было поручено составить именно Щербатову. И если «Наказ» относил к «среднему роду» людей или городскому сословию художников и ученых не из дворян, то Частная комиссия о разборе государственных жителей причислила к среднему роду и духовенство. Показательно в данном случае, что на возражения Синода о том, что духовенство — особое сословие и не должно в правах отличаться от благородных, Частная комиссия объяснила, что «она причислила духовенство, как народных учителей, к разряду ученых» [10]. Известно, что ни попытка Петра превратить духовенство в ученое сословие, ни аналогичное предложение Щербатова не были реализованы на практике. Однако образ офирского полицейского-священника во многом воплотил в себе этот идеал самодержавного правления. Это видно из того, что особенности выбора служителя для поучения народа, принятые в Офирской империи, имеют поразительное сходство с теми «Регулами о проповедниках Слова Божия», которые прописаны в Духовном регламенте.

Иные стороны религиозной жизни офирян почти полностью «дублируют» законодательские инициативы по реформированию церковной жизни, предложенные обер-прокурором Священного Синода И. И. Мелиссино в качестве проекта для составления Нового уложения в июне 1767 года. Обращаясь к членам Синода с вопросом, нельзя ли что-либо убавить из «продолжительных церковных обрядов», обер-прокурор одновременно выступил с инициативой о замене всенощных и вечерен чтением кратких молитв с обязательным поучением народа [14, 117]. Любопытно отметить, что, несмотря на неприятие членами Синода этих предложений, черновой вариант «Нотата наказу для будущего от св. Синода при сочинении проекта Нового Уложения депутату» содержал статью «со-

вершенно в духе Мелиссино» о церковных установлениях, отяготительных для светских людей [12, 232]. Не устраивала обер-прокурора и форма одежды духовенства, которую он предлагал заменить на более простейшую — «пристойнее нынешней» [14, 118]. Данные предложения оказались поразительно созвучны реформаторским взглядам самого Щербатова. Его утопические герои приносят богу краткое, но обязательное моление. Все богослужения в Храме, в том числе и служба в так называемый, «день Божий», соответствующий нашему воскресенью, занимают не более нескольких минут. Трудно сказать, насколько одежда офирского священства соответствовала требованию простоты, выдвинутому обер-прокурором Синода. Однако в щербатовской утопии ее описание умещается в одно предложение. «Наконец увидала человека, в длинном белом платье, имеющего род нагрудника, на коем находилось выкованное... солнце... на голове у него была повязка голубаго цвету...». В идеальном устройстве Офирии нашли свое отражение и довольно либеральные взгляды Мелиссино на супружество. По словам офирского священника, «браки... не есть дело, касающееся до веры, но до гражданских законов». А потому «каждый, не спросяся никого, может с супругой своею развестися». Обер-прокурорское предложение об ослаблении слишком строгих правил о родстве как препятствии для заключения браков и расширении причин для развода, «кроме прелюбодейного случая» также «продублировано» в щербатовской утопии [14, 119]. В этой связи следует заметить, что Мелиссино далеко не всегда озвучивал по данному вопросу свои мысли. Во многом его «Предложения» были обусловлены политикой в отношении православной Церкви самой великой государыни императрицы Екатерины.

Логическим пределом подобного тотального государственного контроля за религиозной жизнью граждан, отчасти, и является образ офирского полицейского-священника.

Сделанные наблюдения позволили значительно скорректировать традиционный взгляд на щербатовскую утопию как (в большей мере)

художественную рецепцию идей западных философов и полицеистов. Последнее, в свою очередь, дало возможность пересмотреть научное представление (Т. В. Артемьева) о заимствовании Щербатовым модели религиозного устройства Офирского государства у немецких камералистов Юсти и Зонненфельса, а также подтвердило ошибочность научного представления (Г. В. Вернадский, С. Л. Бер), согласно которому религия офирцев представляет собой масонский идеал писателя.

Предпринятая мной попытка рассмотреть религиозную «реформу» Щербатова в контексте законодательной политики просвещенного абсолютизма и законотворческой деятельности самого писателя послужила обоснованием для вывода о том, что в основе своей образ офирского священника-полицейского имел не западные идеи, а вполне конкретные отечественные образцы, существовавшие в виде законопроектов или закрепленных норм права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Baehr S.L. The Masonic component in eighteenth-century Russian literature// Russian Literature in the Age of Catherine the Great. A collection of essays/ Ed. by A.G. Cross. Oxford, 1976. P. 138.
2. Baehr S.L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. California: Stanford University Press, 1991. P. 120–121.
3. Артемьева Т.В. Михаил Щербатов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 92 с.
4. Брикнер А.Г. Князь М.М. Щербатов как член Большой Комиссии 1767 г. // Исторический вестник. СПб., 1881. № 6. С. 217–249.
5. Вагеманс Э. К истории русской политической мысли: М.М. Щербатов и его «Путешествие в землю Офирскую» // Русская литература. № 4. Л.: Наука, 1989. С.107–119.
6. Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пгр., 1917. С. 176.
7. Грацианский П.С. Политическая и правовая мысль России II половины XVIII в. М.: Наука, 1984. С. 48–49.
8. Деяния московских соборов 1666 и 1667 годов. Москва. В Синодальной Типографии, на никольской улице. 1881.
9. Дьяконов М.А. Выдающийся русский публицист XVIII века // Вестник права. № 7. СПб., 1904. С.11–12.
10. Живов В. Дисциплинарная революция и борьба с суеверием в России XVIII века: «провалы» и их последствия // Антропология революции / Сб. статей. Сост. и ред. И. Прохорова, А. Дмитрие, И. Кукулин, М. Майофис. М.: НЛО. 2009.
11. Живов В.М. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. НЛО. М., 2004. С. 51.
12. Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т.V. Курс русской истории. Ч. V. М.: Мысль, 1989. С. 93.
13. Книга соборных деяний 1667 года / Деяния московских соборов 1666 и 1667 годов. Москва. В Синодальной Типографии, на Никольской улице. 1881. Л. 2.
14. Назаренко Б.А. Право «Офирского государства» в утопии М.М. Щербатова // Актуальные проблемы российского права. М.: МГЮА, 2009. № 1. С. 30–37.
15. Окружная грамота (в списке) Царя Алексея Михайловича Туринскому Воеводе Василию Кокореву // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 3. М.: Типография Селиванского. № 141. 1822. С. 460.
16. Прилежаев Е.М. Наказ и пункты от Св. Синода в Екатерининскую комиссию о сочинении проекта Нового уложения // Христианское чтение. Ч. I. № 9–10. СПб., 1876. С. 223–265.
17. Пыпин А.Н. Полузабытый писатель XVIII века // Вестник Европы. СПб., 1896. № 11. С. 303.
18. РГАДА. Ф. 1289. № 422.
19. Святейшему Правительствующему Синоду Действительного Статского Советника и Синодального Обер-Прокурора Мелиссино Предложения // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн.3. Отд.5. М.,1871. С. 114–121.

20. Святловский В. Русский утопический роман. Петроград. 1922. С. 18.
21. Соборное уложение 1649 года. Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 3. Акты Земских соборов. М.: Юрид. лит. 1985.
22. Фроловский Г.В. Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.
23. Царская грамота в Великий Новгород // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею императорской академии наук. Т.4. СПб. №. 150. 1836.С. 160–162.
24. Чечулин Н.Д. Русский социальный роман XVIII века (Путешествие в землю Офирскую г. С. Швецкого дворянина сочинение князя М.М.Щербатова). СПб., 1900. 53 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Baehr S.L. The Masonic component in eighteenth-century Russian literature// Russian Literature in the Age of Catherine the Great. A collection of essays/ Ed. by A.G. Cross. Oxford, 1976. P. 138.
2. Baehr S.L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. California: Stanford University Press, 1991. P. 120–121.
3. Artem'eva T.V. Mikhail Shcherbatov. SPb.: Izd-vo SPbGU, 1994. 92 s.
4. Brikner A.G. Knyaz' M.M. Shcherbatov kak chlen Bol'shoi Komissii 1767 g. // Istoricheskii vestnik. SPb., 1881. № 6. S. 217–249.
5. Vagemans E. K istorii russkoi politicheskoi mysli: M.M. Shcherbatov i ego «Puteshestvie v zemlyu Ofirskuyu» // Russkaya literatura. № 4. L.: Nauka, 1989. S.107–119.
6. Vernadskii G.V. Russkoe masonstvo v tsarstvovanie Ekateriny II. Pgr., 1917. С. 176.
7. Gratsianskii P.S. Politicheskaya i pravovaya mysl' Rossii II poloviny XVIII v. M.: Nauka, 1984. С. 48–49.
8. Deyaniya moskovskikh soborov 1666 i 1667 godov. Moskva. V Sinodal'noi Tipografii, na Nikol'skoi ulitse. 1881.
9. D'yakonov M.A. Vydayushchiysya russkii publitsist XVIII veka // Vestnik prava. № 7. SPb., 1904. S.11–12.
10. Zhivov V. Distsiplinarnaya revolyutsiya i bor'ba s sueveriem v Rossii XVIII veka: «provaly» i ikh posledstviya // Antropologiya revolyutsii / Sb. statei. Sost. i red. I. Prokhorova, A. Dmitrie, I. Kukulin, M. Maiofis. M.: NLO. 2009.
11. Zhivov V.M. Iz tserkovnoi istorii vremen Petra Velikogo: Issledovaniya i materialy. NLO. M., 2004. С. 51.
12. Klyuchevskii V.O. Sochineniya v 9 t. T.V. Kurs russkoi istorii. Ch. V. M.: Mysl', 1989. S. 93.
13. Kniga sobornykh deyanii 1667 goda / Deyaniya moskovskikh soborov 1666 i 1667 godov. Moskva. V Sinodal'noi Tipografii, na Nikol'skoi ulitse. 1881. L. 2.
14. Nazarenko B.A. Pravo «Ofirskogo gosudarstva» v utopii M.M. Shcherbatova // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. M.: MGYuA, 2009. № 1. S. 30–37.
15. Okruzhnaya gramota (v spiske) Tsarya Alekseya Mikhailovicha Turinskomu Voevode Vasiliyu Kokorevu // Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v gosudarstvennoi kollegii inostrannykh del. Ch. 3. M.: Tipografiya Selivanskogo. № 141. 1822. S. 460.
16. Prilezhaev E.M. Nakaz i punkty ot Sv. Sinoda v Ekaterininskuyu komissiyu o sochinenii proekta Novogo ulozheniya // Khristianskoe chtenie. Ch. I. № 9–10. SPb., 1876. S. 223–265.
17. Pypin A.N. Poluzabytyi pisatel' XVIII veka // Vestnik Evropy. SPb., 1896. № 11. S. 303.
18. RGADA. F. 1289. № 422.
19. Svyateishemu Pravitel'stvuyushchemu Sinodu Deistvitel'nogo Statskogo Sovetnika i Sinodal'nogo Ober-Prokurora Melissino Predlozheniya // Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete. Kn.3. Otd.5. M.,1871. S. 114–121.
20. Svyatlovskii V. Russkii utopicheskii roman. Petrograd. 1922. С. 18.
21. Sobornoe ulozhenie 1649 goda. Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. V devyati tomakh. T. 3. Akty Zemskikh soborov. M.: Yurid. lit. 1985.
22. Frolovskii G.V. Puti russkogo bogosloviya. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2009. 848 с.

23. Tsarskaya gramota v Velikii Novgorod // Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi imperii arkhiograficheskoyu ekspeditsieyu imperatorskoi akademii nauk. T.4. SPb. №. 150. 1836.S. 160–162.
24. Chechulin N.D. Russkii sotsial'nyi roman XVIII veka (Puteshestvie v zemlyu Ofirskuyu g. S. Shvetskogo dvoryanina sochinenie knyazya M.M.Shcherbatova). SPb., 1900. 53 s.